

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Очередное совещание Совета молодых литераторов СПР состоялось в подмосковных Химках 10-12 июня 2022 года. Доброй традицией совещания стал семинар с участием экспертов Бунинского фестиваля — Галины Ивановны Седых, Елены Андреевны Полтавской и Григория Викторовича Шувалова.

В семинаре приняли участие авторы из двух столиц, юга и севера России, Сибири. За сто лет после Бунина русская поэзия сильно изменилась, но есть и вневременное, пробивающееся и в стихах молодых авторов — любовь к родному краю, особое чувство природы, незримое присутствие высшего начала. Нынешний стих расхлябан и далек от классического канона, заслоненного Серебряным веком и последующими стихотворными экспериментами. Тем ценнее — обрести в современности частичку «дара бессмертного».

Стихи всех участников можно разделить на три условных группы. Первая группа — это поэзия поиска, к ней можно отнести северянок — Варвару Заборцеву и Надежду Келареву, Марию Леонтьеву из Санкт-Петербурга, астраханца Дениса Ткачука и Евгению Решетникову из Калмыкии. Для этих стихов характерна тяга к эксперименту, поиск нового языка, новых форм, освоение верлибра.

Вторая группа — это игровая поэзия, к ней относятся стихи москвички Екатерины Годвер, Анастасии Картавцевой из Воронежа, Анны Зориной из Новосибирска и Алины Савенко из Ростова. Стихи этих авторов ориентированы в большей степени на звучащую сторону поэзии, на сцену, а не на библиотеку, отсюда — сюжетность, выпуклость приемов, рассчитанных на мгновенный эффект.

Ну и третья группа — это авторы, уже нашедшие свою нишу и в ней создающие: Анна Мамаенко из Краснодара и Лидия Мамаева из Новосибирской области. Анна Мамаенко окончила Литинститут, ей, конечно, не чужды и эксперимент, и игровое начало, но в ее стихах все это подчинено строгой авторской системе. Лидия Мамаева вдохновение черпает из родной сибирской природы да и живет, по всей видимости, в незамутненной инфоповесткой среде, отсюда четкость и простота форм, правда, стихи пока с небольшим налетом книжности, но это не критично.

Представленные стихи печатаются в авторской редакции.

Поэт Григорий Шувалов

**ЕКАТЕРИНА
ГОДВЕР**

***

После больших снегов
Можно увидеть, как
Выходит из берегов
Асфальтовая река.

Плещется у двери,
Просится поглядеть,
Что у тебя внутри.
Медленно по воде

Желтый коток плывет,
Гладит за пядью пядь
Серую плоть ее —
И наступает гладь.

И наступает тишь.
Синие огоньки...
Ржавый молчит камыш
На берегу реки:

Только щепотку слов
Выбросило к ногам.
После больших снегов
Будут еще снега.

ВАРВАРА ЗАБОРЦЕВА

***

И зимы на Севере белые,
И ночи июньские белые,
И море — нарочно ли — Белое,
И набело хочется жить.

Побелены печи на праздники.
Побелены избы на свадьбки.
Настираны белые скатерти,
Когда подается кутья.

И кажется, будто на Севере
Не в землю уйдешь ты, не в землю, а
Под снегом на время укроешься.
И талой водою — домой.

Останешься ниткою белою
В рубашке, платке или скатерти.
Побелкой на печке уляжешься.
Узором сверкнешь на окне.

АННА ЗОРИНА

***

Ты можешь мне верить,
а можешь совсем не верить,
Но если есть время, то все же
прошу, останься.

По темному мху бредут через осень звери.
Идут и поют тихонечко в ритме вальса.
А в городе дождь, а в городе
стынь и слякоть

Стекает по небу и бьется о подоконник.
И хочется спать, и хочется лечь и плакать
О том, что нет сил ни жить,
ни творить, ни помнить,

Что солнце вернется, весною,
по крайней мере,
Не будет печали, а станет
легко, как прежде.

Сквозь сумрачный лес бредут
по дороге звери
И где-то в горячем сердце несут надежду.

Обветренный мир опять обернула темень,
Но если совсем ни зги —
запевайте, братцы!

А кот и петух бредут по дороге в Бремен,
И пес, и осел идут по дороге в Бремен,
А значит, и нам, приятель,
нельзя сдаваться!

АНАСТАСИЯ КАРТАВЦЕВА

САНТА

В «Доме торговли» напротив входа продавался веселый Санта.
Он был огромный — два метра ростом вместе с подставкой.

И он танцевал в ярко-алом костюмчике, не двигаясь с места.

Шевелил руками, хрустел коленями,

но за скрипением «Jingle Bells» этого хруста не было слышно.

Крепкий — он пыхал здоровьем и стоил двадцать две тысячи.

Сумасшедшие деньги!

Тем более для провинции.

Тем более в нулевые.

Санта, как собственная цена высокий,

был размер в размер зарплате местной элиты.

Его называли Дедом Морозом, но он не держал обиды

и продолжал не по-дедовски бодрый танец.

Казалось, он никогда не устанет!

Казалось, он сейчас шагнет с постамента,

подарит игрушку или конфету.

Мы представляли того богача,

который сможет Санту себе позволить.

Новогодние праздники отзвенели стеклянными колокольчиками,

упавшими с елок в коробки на комья ваты.

— Накопим? До следующего года на Санту, мама?

Несерьезно, конечно.

Я понимала: у нас нет денег,

и проводка вообще-то слабая —

не выдержит мощности Санты,

перегорит до первого танца,

как только провод воткнешь в розетку.

Не знаю, где Санта провел первое городское лето.

Но всю следующую зиму

он танцевал в «Доме торговли» — ловкий и сильный.

Про таких у нас говорят: «Не похоже, чтоб много пил».

Санту за несколько лет никто не купил.

А потом «Дом торговли» снесли и построили новое здание.

Не знаю, куда тогда дели Санту.

Я его встретила позже под городской елкой —

уставшего и замерзшего.

Санта не танцевал, лицо его пожелтело.

Похоже, внутри что-то перегорело, сломалось.

Он больше не продавался.

Он уже ничего не стоил.

Снег под его постаментом медленно превращался в воду.

С Новым Годом, бабушка.

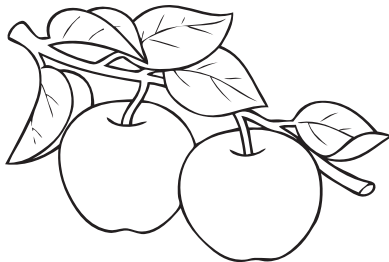
С Новым годом!

НАДЕЖДА КЕЛАРЕВА

***

Больничные коридоры вытянуты
Как рукава смирительной рубашки.
Запах хлорки смешался
С запахом рыбных котлет.
Привели в пустую палату,
Сказали ждать.
Десятилетняя девочка
Посреди
Голоматрасных коек.
Никто не придет, кроме
Врача с ярко покрашенными губами.
Она посмотрит сквозь
Заплаканное лицо,
Назначит уколы.

Одиночество —
Это когда
Сосед не шуршит пакетом,
Передавая яблоко
С одной кровати — на другую.
Но кажется, что шуршит.
И этот несуществующий сосед
Вместе со своим несуществующим
яблоком
Громче, чем пожарная тревога,
сработавшая
В три часа ночи,
Не получается отключить.

МАРИЯ ЛЕОНТЬЕВА

***

Вспомню черные липы, леденящее небо,
Первое декабря, занесенное снегом,
Следы босых ног на балконе,
Ощущение, что ничего нет кроме
Светлой зимы, тонких лип.
Вместо голоса — снежный скрип.
Вместо лица — серебряная пыльца.
Открываешь глаза, день
мучительно длится,
Перед внутренним взором
меняются лица,
Не заслоня единственного лица.

ЛИДИЯ МАМАЕВА

***

С ленты Чуйского тракта съеду,
За спиной оставлю дворы.
И пойду по чужому следу
В поднебесную высь горы.
Наступая камням на спины,
Не встревожу горный покой.
Будет путь небывало длинным,
Даль — синее воды морской.

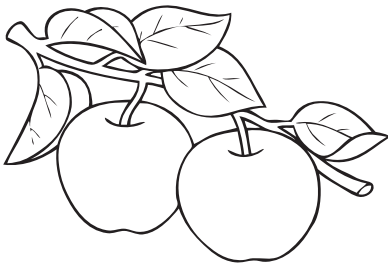
Пропитавшись туманным соком
Будет мерно шуметь трава.
И на самом хребте высоком
Снега выглянут острова.

Будет биться под грубым камнем
Устремленная вниз река.
И, скользнув, укажет, куда мне
Возвращаться, ее рука.

АННА МАМАЕНКО

НАГОРНОЕ

Вечер надвое криком разъяла вышь.
Но сомкнула протяжные воды Обь.
Солнца хватит — все купола покрыть.
А Сибири — все горе перемолоть.
К небу тянутся белые сны берез.
Их увидел однажды — и все, погиб.
Свет костров шаманских плеснет до звезд,
чтобы Млечным Путем
                        прирастал Транссиб.
Вырастают реки из берегов
во всю ширь, во весь рост,
                        как в последний раз.
Если в этих сумерках есть любовь —
это то, что накрыло тебя сейчас.
Это те, кто с тобой по дороге вверх
через дождь и ветер несут огонь.
С кем делил стихи как вино и хлеб
у костра ночами, ладонь в ладонь.
Где Сибирь шагает по облакам,
наметая не снег — тополиный пух.
И чем дальше расходятся берега,
чем темнее ночи — теснее круг.

ЕВГЕНИЯ РЕШЕТНИКОВА

***

Степи Калмыкии —
вечнопологие склоны.
Лотос ветров
направляет к долгим подъемам,
крыльям орлиным
дарит подъемную силу
с песней гортанной взлететь
невыносимо —
в синее-синее-синее!

Степи Калмыкии —
вечнопологие склоны.
Каждый взлетевший
вернется когда-нибудь в лоно
обязательно
                        обновленный.

ДЕНИС ТКАЧУК

***

Скажи, где я — и буду я нигде,
так звезды отражаются в воде,
и нет их и на небе, ни в глубинах,
скажи, кто я — и я открою рот,
дыра под сердцем тихо заживет,
Луна толкнет лучом
  окно гостиной,

зови меня — и я себя найду
в каком-нибудь неназванном году,
где Рождество спускается негромко —
по крышам, по дождю, по пустырю,
и я уйду во тьму, но не умру —
а просто снова выйду
  в мир ребенком.

АЛИНА САВЕНКО

31 ДЕКАБРЯ

из ничего, что сбудется
(вот-вот
на нас сорвется
с крыши кособокой)
варю себе, как все вокруг,
компот.

нет-нет, оставь,
до праздника не трогай.

последний день
предкассовой возни.
сейчас вернусь.
я скоро.

я за Вами.
вези меня, трамвай-таксист,
вези.
олень лесной,
веди других кругами.

как жалко вдруг
подснежник-океан —
на треть дорог
разлился Ледовитый.

вот дарят мне заморский марципан,
вот угостить стремятся недопитым.

я жду себя
под красным козырьком,
чтоб поменяться
(где же ты)
местами.

вот мы бежим
в две тысячи...
каком?
стучим в мороз
молочными зубами.

из ничего, что снилось ли?
но в нас
останется ларцом,
яйцом, Буяном.
на том конце иголки хвойной —
связь

с началом и
нет-нет, не трогай.
рано.

